

Матриархаты и патриархаты, которые прошли и придут

Евгений Наклеушев*

Во 2 веке до новой эры пало могучее Скифское царство. Скифы удерживали Северное Причерноморье шесть веков — абсолютный рекорд для этого региона, стратегически одного из самых уязвимых на Земле. Они были не только неустрашимыми воинами и пламенными патриотами, но и отличными военными психологами. Они проделывали в наконечниках стрел специальные отверстия. Это делало стрельбу технически менее эффективной, что более чем компенсировалось психологическим эффектом лучной атаки. Стоило выпустить несколько таких стрел, как они поднимали такой вой и свист, что, казалось, весь воздух ими полон. Скифы шутя отразили натиск грозной Персидской державы в пору расцвета ее могущества. Они угрожали позднему существованию Македонского царства еще в пору ранней юности Александра Великого. Ко времени своей гибели Скифское царство давно было органической частью политико-экономической системы античного Средиземноморья. За скифами стояла вся мощь этого процветающего мира, жизненно заинтересованного в обильном скифском хлебе, в рабах, в неисчерпаемых рынках сбыта. Скифы посредничали в грандиозной, веками выстроенной системе торговли с племенами Восточной Европы до Ледовитого океана и степной зоны до Алтая. Богатейшие греческие колонии Северного Причерноморья были их верными вассалами. С запада на скифов поколениями напирала буйные кельты, но смертельный удар был нанесен им с востока сарматами. А вернее — сарматскими воительницами.

Греки называли сарматов «гинекократами» — женоуправляемыми. Сарматская девушка не имела права взять мужа, не доказав предварительно своей зрелой женственности — убив двух врагов (по другим источникам даже трех! — возможно, в разных сарматских племенах были разные на сей счет и обычаи). Для сравнения, у патриархальных древних германцев, также отнюдь не страдавших пацифистскими настроениями, юноша приобретал все права взрослого члена племени, убив одного врага. Нетрудно понять, почему оказались обречены героически сражавшиеся скифы со всеми своими вассалами и союзниками.

Трудней понять, что обуславливает перевес одного пола над другим в физической силе и энергии. Еще несколько десятилетий назад это считалось простым и ясным: причиной перевеса — разумеется-де, мужчин над женщинами — являются вечные законы природы. Природа предназначила женщину для вынашивания и вскармливания новорожденных, а, значит, — делался энергичный вывод — для тихой семейной жизни. Последняя не требует ни больших физических сил, ни героической энергии, ни, скажем откровенно, выдающегося ума, но — выносливости к монотонному домашнему

*E-mail: emn42@yandex.ru

труду, кротости и любви. В свою очередь, мужчина предназначен той же природой к роли защитника и добытчика, а, значит, должен быть физически силен, сравнительно умен, энергичен и агрессивен. А что касается всяких там «амазонок», так это все невежественные выдумки древних. (Большое утешение было бы скифам!)

Нынче о «вечных законах природы» на Западе не рискуют и заикнуться. Несмотря на свою относительную доселе малочисленность, активистки феминизма оказались на диво агрессивным народом (какая там кротость!), и так перетряхнули общественное мнение, что оно послушно устремилось в обратную крайность. Теперь там все в отношениях полов приписывается только культуре, в частности, конечно, любая слабость современной женщины — «порочной, эгоистичной, эксплуатирующей женщин культуре патриархата».

Невозможно отрицать, что культура способна добиваться от человека поразительно многого. Можно согласиться даже, что она способна творить с ним чудеса [1]. Но культура не способна *стоять* на чуде, как не способна стоять на выигрышах в рулетку экономика порядочного человека. Очевидно, культура способна только акцентировать или приглушать — пусть нередко фантастически мощно! — природные тенденции человеческого бытия. И если в разных местах и в разное время культура оказывается способной двигаться в прямо противоположных направлениях — к закреплению доминирования в обществе и семье то мужчин, то женщин — это может значить только то, что сами природные тенденции периодически меняют свое направление.

Зачем это нам?! — вздохнут золушки, мечтающие о могучих принцах (и принцы, мечтающие о кротких золушках). Ведь, как ни крути, а рожать-то нам, золушкам, так пусть бы принцы и защищали нас во веки вечные, а мы бы им за то кротко покорялись. (Тем более, что испокон веку умеем, гибкое мы племя, покоряясь, вертеть ими, могучими, как нам заблагорассудится. Ну, или почти что так . . .)

А никуда не деться. Никакая часть, в том числе никакой пол (то есть *половина*) по определению не может неограниченно долго нести ответственность за целое без губительных для этого целого последствий. «Сейте разумное, доброе, вечное . . . » А вы задумывались, сколько в том «добром» и «вечном», посеянном большей частью веками и тысячелетиями патриархата, — узко мужского? Не говоря о «разумном» — откровенно чисто мужском в существе (кто из нашего брата не потешался над «женской логикой», не удосужась заподозрить, а не знают ли женщины что-то — ох, как знают, да не умеют пока, а частью просто не хотят, ибо не пришло время, то озвучить! — не влезющее в нашу простую, как топор, формальную логику?) И, хотя гибкие золушки из поколения в поколение трудились, не покладая рук, чтобы наше «разумное» и «доброе» к себе, поелику возможно, приспособить, полуподпольный тот труд, совершавшийся на пониженной, сравнительно с мужской, энергетике (в период отчетливо выраженного, а не умирающего, как сейчас, патриархата), мог давать только весьма половинчатые результаты. И, значит, из поколения в поколение рос перекося культур, исподволь подрывая самую биологию человека . . .

Вот, на что гармонична, казалось бы, система органов нашего тела, отточенная сотнями миллионов лет эволюции (не говоря о предшествующих им миллиардах лет одноклеточной жизни). И та при ближайшем рассмотрении являет весьма непростые коллизии. Оказывается, например, сердце и почки работают в противофазе, подавляя до известной степени деятельность друг друга. И так, каждый орган (или тесно связанная

подсистема органов) имеет своего антагониста. И как же решает организм проблему антагонизма собственных частей? Обеспечивая «справедливое равенство» их энергетики? Ничуть не бывало! В последнем случае они бы не столько дополняли, сколько *вычитали*, друг друга — и нашему телу пришел бы скорый и мучительный конец. Организм предоставляет своим органам поочередно доминировать в своей энергетике и деятельности в сложном переплетении ритмов суток, лунного месяца, года (и даже, если верить древней мудрости наблюдательного Востока, двенадцатилетнего и шестидесятилетнего циклов) — и тем лишь спасается. Ничего мудрее за сотни миллионов лет он «не придумал» — и «придумать» не мог в принципе (уже из механики известно, что в уравновешенной системе сил их сумма равна нулю).

Так и всякий этнос (и любой раздельнополюый биологический вид или его раса) является собою своего рода сверхорганизм, половинами коего служат мужское и женское. И чтобы сохраниться на Земле, он вынужден поочередно перебрасывать «мячик» максимальной энергетики то одной, то другой своей половинам. В утешение золушкам, впрочем, прибавим: то, что рожать остается все-таки женскому полу, ведет, по-видимому, к тому, что фазы «патриархата» (в широком смысле, применимом ко всем раздельнополюым видам) оказываются более длительны (и становятся все более длительными в эволюции?), чем фазы «матриархата».

Эта неумолимая смена фаз особенно очевидна в последние десятилетия. Даже в архиконсервативной идеократии Советского Союза, где все, что упустили предсказать «классики» марксизма-ленинизма, небезопасно было озвучивать, словечко «среднеархат» проскочило на страницу «Комсомольской правды» еще в 1969 году [2]! Интересно, как аукнулся этот подвиг редакции?

В наше время женщина очевидно далеко не то слабое, робкое — и, добавим ради справедливости, нежное и любящее — существо, каким рисует ее старая традиция нашей культуры. В свою очередь, не тот, что прежде, и мужчина. Он и мягче, и много слабей. Как иронизирует на сей счет мой самый любимый из умствующих поэтов Игорь Губерман [3]:

Все нежней и сладостней мужчины,
женщины все тверже и железней;
скоро в мужиках не без причины
женские объявятся болезни.

В совместных видах спорта женские результаты все ближе к мужским. В конце 90-х годов американские спортивные аналитики предсказали, что к 2040 году в ряде видов спорта женщины опередят мужчин. (Впрочем, в 60-х подобное предсказывалось уже для 2000 года. Длительные тенденции никогда не бывают прямолинейны, но волнообразны, или периодичны, каковая периодичность для данного случая естественно не изучена.) Изменяется сама антропология женского тела, и наши сестры все активней вторгаются и в «чисто мужские», в традиции нашей культуры, виды спорта. Уже не кажется так странно свидетельство добросовестного Ибн Фадлана от 10 века, что у саков (более поздних родичей сарматов) молодые супруги единоборством решали, кто станет главою семьи.

Но не один «мячик» максимальной энергетики, или проще сказать «силы», перебрасывается в этой природной игре. Наряду с силой существует для начала еще и любовь,

явно не совпадающая ни с силой, ни с ее отсутствием. Ибо давно признано, что любовь сама является «силой» — и даже «величайшей из сил». В христианской традиции «Бог есть любовь»!

Чтобы разобраться с числом наших «мячиков», уточним на первый взгляд очевидное — количество участников этой игры. Все ли мужчины «одинаковы»? Все ли женщины? Только крайне неразвитые люди в это верят. По самой упрощенной оценке каждый пол несет в себе две тенденции: «восходящую» и «нисходящую». Здесь имеется в виду не подъем или упадок тех или иных жизненных сил, исторически преходящий, но некоторые постоянные подходы к людям и миру, на которые сила и слабость, любовь и эгоизм лишь накладываются, акцентируя их или затушевывая. Например, за мужчинами признается большая способность к рассудочному мышлению, а за женщинами — к интуитивному постижению. Заметим, что рассудок эффективен лишь там, где ситуации относительно просты или поддаются рациональному упрощению, — но пасует, если сложность задач в принципе не сводима к якобы скрытой за ней простоте. В последнем случае на передний план выходит интуиция. В способности находить за сложным простое в рассуждении и в умении конструктивно упрощать в действии — особенная сила мужчины. В невероятной для характерного мужского ума способности ориентироваться в неразрешимо сложном и усложнять *конструктивно* — специфическая сила женщины.

Сказанное относится однако именно к «восходящим», или «светлым», сторонам женственности и мужественности (их можно также назвать «прогрессивными» или «благодатными» — и то и другое определения не покроют всего спектра указанных тенденций с их приземленной и возвышенной сторонами; чтобы не спорить из-за терминов, автор называет их нейтрально «восходящими»). «Есть мужик и мужик» — штурмовики и чекисты затаптывали людей насмерть тоже ради сугубой простоты, но то была простота не рациональности — но примитива, не света, но тьмы. И так же, сложность сложности рознь. За одной — гармония небесных сфер, за другой — дикий хаос. Обе темные стороны нарушают меру: либо простоты, либо сложности. Но это нарушение в природе вещей нашего ограниченного дольного мира. Есть мера в вещах, и самое рациональное по целям упрощение не может длиться неограниченно долго, не обрываясь в переупрощение примитива. Как и самое гармоничное в тенденции усложнение, переходя меру длительности, взрывается в хаос. С другой стороны *нужно* быть в мире и хаосу, ибо как иначе ухитрится упрощение быть конструктивным? Как *нужно* быть и примитиву, ибо как иначе осветит мир самое творческое в динамике бытия усложнение? Следственно, практически неограниченно доминирующая в современности вера в прямолинейный прогресс (или хотя бы в его принципиальную возможность для мудрых народов и правителей) столь же опасно наивна, как была бы претензия расчислять государственный бюджет, отринув «стесняющие» правила арифметики. «Чредою расцвет и гибель, словно прилив и отлив» (из стихотворения китайского классика) — постиг наблюдательный Восток тысячи лет назад.

Обозначим «восходящие» потоки женственности и мужественности плюсом, а «нисходящие» — минусом. Обозначим также женское и мужское символами: F и M . В рассматриваемой нами природно-исторической игре оказываются таким образом четыре участника, коим требуются специфической ее логикой столько же «мячиков». Сгруп-

пируем означенных участников в простейшую (извини, гуманитарий!) матрицу:

$$\begin{pmatrix} -F & +F \\ +M & -M \end{pmatrix}. \quad (1)$$

Каждый из этих участников переживает во времени периодические приливы и отливы жизненной энергии, усиливающие, или наоборот, ослабляющие выражение его специфических свойств — и их влияние на целое общество. Для этого цикла можно нарисовать обычную синусоиду — но мы не станем (читатель с элементарным вкусом к математике без труда представит ее сам, а гуманитария, испытывающего к оной непобедимое отвращение, понапрасну угнетать не стоит) — с ее горбом вверх в левой верхней части графика и горбом вниз в правой нижней. Восходящая часть верхнего горба соответствует тому приливу к максимуму жизненной энергии, который мы для краткости назовем «+силой», и обозначим еще короче: $+P$. Нисходящей части того же горба отвечает «-сила», или $-P$. Далее, продолжая снижаться, энергетика входит в нижнем горбу в область противоположных «силе» значений. Этой противоположностью «силе» является однако не «любовь», а «чувственность».

На антагонизм силы и разнузданной чувственности указывают по-своему и архаичные легенды и мифы, и все развитые религии — и приземленные спортивные тренеры. Все восходящие культуры более или менее ее обуздывают. Все декадентские — наоборот. Что до любви, то, нравится это, или нет, нашим подраспустившимся современникам, она, увы, неразрывна с тем же обузданием чувственности. Посему нисходящей части нашего нижнего горба отвечает «+чувственность», или $+S$, но «-любовь» (убывающая любовь), или $-L$, а восходящей — «-чувственность» ($-S$), но «+любовь» ($+L$).

Сведем и эти энергетические состояния-«мячики» в собственную удобную для использования матрицу:

$$\begin{pmatrix} -P & +S \\ +P & -S \end{pmatrix}, \quad (2)$$

которой вполне эквивалентна:

$$\begin{pmatrix} -P & -L \\ +P & +L \end{pmatrix}. \quad (3)$$

А теперь наложим последнюю [4] из этих матриц (3) на матрицу участников (1):

$$\begin{pmatrix} -F, -P & +F, -L \\ +M, +P & -M, +L \end{pmatrix}. \quad (4)$$

Перед нами, как мы сейчас убедимся, психофизиологический портрет античности, или «патриархата-1». Для удобства сравнения его с современностью представим рядом таковой же портрет «патриархата-2», на исходе коего мы живем. Для этого повернем матрицу «мячиков» (3) относительно матрицы участников (1) на 90 градусов против часовой стрелки:

$$\begin{pmatrix} -F, -L & +F, +L \\ +M, -P & -M, +P \end{pmatrix}. \quad (5)$$

+ M , + P . При патриархате-1 максимум жизненной энергии достается «восходящему» мужскому типу. То есть «сила» здесь явно более на своем месте, чем в современности, где $-M$, + P . В самом деле, насколько позволяют судить дошедшие до нас свидетельства о спортивных рекордах античности (кои ни в какую не верят наши тренеры — и напрасно: олимпийские и прочие спортивные игры древних посвящались богам, и завышать их результаты было бы святотатством неслыханным!), те принадлежали людям, разительно превосходящим нас своей физической одаренностью.

Вот где более или менее уместно речение: «В здоровом теле здоровый дух» [5]! Одареннейший народ древности — греки — наиболее всех одарен и физически. С портретов и бюстов античных мыслителей смотрят почти без исключения не астеничные треугольные физиономии нынешних интеллигентов — а крепкие, с тяжелыми челюстями лица воинов. В философских школах Эллады преподают кулачный бой (для коего кулаки обвязывают тяжелыми жесткими ремнями; в сравнение с ним наш бокс — спорт неженнок) и борьбу (также не принятого в современном спорте крайне жесткого типа), как необходимые-де в воспитании мыслителей. Пифагор — олимпийский чемпион по борьбе и кулачному бою. Величайший мыслитель античности Платон — один из лучших кулачных бойцов своего времени. Само прозвище, под которым он вошел в историю (его настоящее имя — Аристокл), означает «широкий», и было дано ему не за широту познаний, как привычно было бы нам думать, а за буквальную необычайную ширину груди и плеч. Богатырской силой и такими же выносливостью и мужеством отличался и Сократ, вынесший в отступавшем с поля битвы строю раненого Алкивиада (здоровнейшего воина), не бросив притом ни своих, ни его доспехов и оружия (всего, стало быть, тащил он за полтора центнера! — вряд ли меньше — перед нападающими врагами, а потом не счел себя достойным награды за такую малость!).

Не имеет аналога в современности и степень общественного влияния мыслителя в античном мире. Благоговейно почитали греки вплоть до краха языческой античности слова и деяния «семерых мудрецов» (здесь «семеро» — фигура речи; по разным позднейшим источникам насчитывают семнадцать их имен), воспитавших на переходе от архаики к классике Элладу для роли свершительницы «греческого чуда».

В куда менее благодарную пору кризиса классики и «демократии демагогов», когда влияние мыслителя не могла не упасть самым драматичным образом, Сократ оказался все еще столь опасен для своих политических противников, что те состряпали против него судебный процесс — и казнили. Нищего-то Сократа, пристававшего с глубокомысленными вопросами ко *всем* прохожим, включая рабов, водоносов и мальчишек, — и прославшего бы в наши дни шутком гороховым, если не совершенно сумасшедшим! Чем одаренней наш современник, тем к более узкому кругу слушателей обречен он обращаться. Никто, кроме горсти чудаков умников, не принимает в наше время серьезный разум как таковой, не облеченный официальными титулами и полномочиями. Что до политиков, оными облеченных, те в целом нынешнем мире, если и обращаются ко «всем», то неизменно на языке серости, если не прямой глупости.

Другой фантастический для нас пример: народное собрание Абдер собирается изгнать из города Демокрита, «беспутно» растратившего в образовательных путешествиях огромное наследство. Вместо оправданий Демокрит читает согражданам два свои революционные труда — и получает пылкое признание — и пенсию для продолжения занятий!

Но, может быть, подобные феномены характеризуют только исключительное «греческое чудо», но не древность в целом? Рождению Будды предшествует столетие философских споров, захватывающих целое общество Индии. Зороастр объединяет духовную жизнь ираноязычных племен прежде и шире, чем это удастся для политической жизни Ирана царям. Никем не назначенные пророки *властно* обличают грехи правителей и народа Израиля. И в Китае идеолог железной государственности Шан Ян с ужасом свидетельствует, что простые мужики, «развращенные» странствующими философами, поглощены абстрактными спорами о статусе категорий «твердости» и «белизны»!

В страхах Шан Яна нетрудно разглядеть зерно политического здравого смысла. Всякий развитый ум в высшей степени независим, что не обещает ничего хорошего сколь-нибудь крупным государственным образованиям, где определяющий стиль управления с необходимостью безличен и требует механической дисциплины подданных. В самом деле, за единственным исключением Египетской «сверхцивилизации» (как стали называть ее в последнее время), вплоть до эпохи глубокого кризиса античных культур, обусловившей создание Римской империи на Западе и объединение Китая на Востоке (происшедшее кстати по рецептам того же Шан Яна, учившего, как оболванить и развратить народ, — к вящей мощи государства), единственным островом относительно длительной политической стабильности остается город-государство, где подавляющее большинство граждан лично знают друг друга.

Укоренилась пошлость, что личность никогда-де не была развита на Востоке. Но даже в Китае, во все эпохи, в сравнение с современными ему культурами, самом просоциальном, у величайшего его социального мыслителя Конфуция ученый — «не подданный» [6]! Кто из солидных интеллектуалов современного кичащегося своим индивидуализмом Запада решился бы заявить принародно подобную дерзость?! Замечено западными культурологами, что «в основании современной демократии лежит уникальный *дисциплинированный* индивидуализм германских народов» — и, поверьте свидетелю, прожившему на Западе долгие годы, — это в самом деле уникально дисциплинированный — и удручающе *конформистский*, по меньшей мере в последние десятилетия, — «индивидуализм».

Благоговевая перед античностью и проповедуя в интеллигентном, в своих лучших проявлениях, 19 веке восстановление ее идеала гармонии духовной и телесной мощи, Ницше обнаружил тем катастрофический отрыв от духа времени, в котором он жил. «Сила есть — ума не надо» — первый ключ к психофизиологии патриархата-2. В политическом словаре нашего времени выражение «сильный человек» однозначно относят к солдафону и реакционеру — и так оно употреблялось даже в ура-оптимистических в общей оценке политической динамики века советских СМИ. В обиходе не одной только интеллигенции слова «спортсмен» и «атлет» ассоциируются с интеллектуальной тупостью — и это тем отчетливее выражено, чем утонченней культура данной страны или ее региона. В самом деле, спортивные боссы Советского Союза пытались даже одно время отлучить от своей кормушки шахматистов — находившихся тогда на недостижимом для иностранных конкурентов уровне! — как элементы чуждые и подозрительные.

Эта фундаментальная ошибка Ницше стала причиной, почему его философия силы и воли к власти стала в 20 веке оружием в руках как раз тех, чье само существование воспринимал он как непереносимое личное оскорбление, — в руках «человеческой сволочи» (нацистов). Тех, кого он сам собирался вдохновить своими сочинениями, в

его мире попросту не было как *слоя*. Современный среднестатистический (разумеется, не всякий отдельный) интеллигент с необходимостью астеничен ($+M, -P$) и телесно, и по влиянию в обществе. Исключения вынуждены применяться к чуждому им складу эпохи, либо, пытаясь пробить лбом стену, тем эффективней самонейтрализуются [7].

Далее, возвращаясь к анализу психофизиологии патриархата-1, мы видим, что «нисходящая» часть женщин обладает там еще «силой», пусть и убывающей ($-F, -P$), и только восходит к «силе» — через «любовь» — «нисходящая» часть мужчин ($-M, +L$). Это объясняет, почему, несмотря на разительное превосходство древних атлетов над нашими спортсменами, общий баланс сил распределен при патриархате-1 существенно ровней, чем при патриархате-2. В самом деле, атлетическая подготовка женщин у эллинов мало чем отличалась от мужской, а у спартиатов разнилась с нею только степенью интенсивности. У тех же спартиатов женщины проявляли себя как вполне надежная воинская сила при самообороне и наведении внутреннего порядка в отсутствие мужского войска. Последняя задача была более чем ответственной: спартиаты, напомним, жили, как на вулкане, среди поработанных ими и численно превосходивших их в несколько раз илотов и периэков. Мудрейший из греков Сократ считал женщин во всем равными мужчинам, и требовал для них равных прав и одинакового с мужчинами воспитания. Немногими веками ранее женщин просто боялись (и было за что: не в одной греческой общине все мужчины бывали вырезаны в одну ночь), как не вполне усмиренную враждебную силу.

$-M, +L$, разумеется, не слишком способствует при патриархате-1 престижу столь высоко почитаемой патриархатом-2 любви. Зато выигрывает в глазах общества $-любовь$ ($+чувственность$), присущая там $+F$. Отсюда высокий социальный статус греческих гетер (то есть «подруг») и баядер Индии (а также гораздо более поздних, но продолжающих ту же традицию гейш Японии), как *аристократок* женственности (Перикл, например, женился на гетере, лишь подтвердив тем свой высокий престиж), столь непохожий ни на статус современных путан, ни на положение античных «почтенных матерей семейств», которых, например, те же высококультурные греки держали на втором этаже дома — вместе с рабами.

Отсюда же чисто чувственный характер отношений полов в период классической античности, их неспособность подняться над уровнем простой эротики. Отсюда же, видимо, бессилие могучих разумом древних разрешить проблему рабства, пагубные последствия коего были очевидны им в течение веков. Эта проблема вряд ли случайно была наконец разрешена — посредством превращения рабов в полунезависимых колоннов — как раз около того времени, когда христианство принялось анафемствовать античный разум ради не рассуждающей любви к ближнему.

Дополнительным труднейшим препятствием на пути к отказу от рабства было выпадение из круга моральных представлений классической античности способности к самокритике. В ней ведь человек обращается против самого себя, что есть прерогатива минус-силы. Но последняя присуща при патриархате-1 «нисходящему» типу $-F$, а потому исчезает там из поля признания даже мудрейшими. Так Протагор говорит в одноименном диалоге Платона Сократу: «... Когда дело касается справедливости и прочих гражданских добродетелей, тут даже если человек, известный своей несправедливостью, вдруг станет сам о себе говорить всенародно правду, то такую правдивость, которую в другом случае признавали рассудительностью, все сочтут безумием: ведь

считается, что каждый, каков бы он ни был на самом деле, должен провозглашать себя справедливым . . . Поэтому необходимо всякому так или иначе быть причастным добродетели, в противном случае ему не место среди людей.» Какое странное, на современный взгляд, представление о моральном долге! Что же возражает на это Сократ, никогда не упускающий слабину в рассуждениях собеседника? — Ничего!

Упадок античного мироощущения выдвинул на авансцену исторического процесса «нищих духом»: $-F$, $-P$ и $-M$, $+L$. Что, казалось бы, могли сделать «нищие духом» на той авансцене? По здравому смыслу их выступление должно было бы стать сумбурным, эпизодическим и не оказать сколько-нибудь существенного влияния на судьбу более благополучных веков. Но в уникальных условиях Израиля уникальнейшие личности Христа и апостола Павла, провозгласившие «*Блаженны нищие духом . . .*» и «*Бог есть любовь*», сфокусировали плодотворнейшие потенции того времени [8] столь мощно, что христианство стало судьбой европейских (и ряда иных) народов на долгие века — и образовало фундамент влиятельнейшей из современных цивилизаций!

Замечательный парадокс цивилизационного влияния христианства, обеспечивший со временем Западу культурное доминирование в целом мире, состоит в том, что оно передало патриархату-2 освященную им традицию отталкивания от плюс-силы и минус-любви (разнузданной чувственности) и превознесения плюс-любви и минус-силы. Это значило — *в условиях патриархата-2* — что «нищие духом» потеряли в десятках поколений возможность быть вполне самими собой, оказавшись теперь в фазах, «достойных осуждения», а главное, не могли в полной степени использовать свою плюс-силу, — тогда как «восходящие» типы обрели такую авторитетную поддержку своему мироощущению, какой они не знали нигде в культурной Евразии! Разумеется, эта операция христианства на теле европейской психофизиологии была отнюдь не идиллической: десятки поколений прожили жизнь, отравленную страхом греха и немоцью ему противостоять. Лицемерие стало там, как никогда и нигде, необходимым условием жизни. В усугубление жестокости христианского существования тезис: «Блаженны нищие духом», — остался органической частью священного предания, хотя в новых условиях он вступил в неразрешимое противоречие с «Бог есть любовь».

Более того, именно анафемствование разума, скомпрометированного своим преобладающим влиянием в отвергнутой культуре античности, определило доминирующую струю Западного христианства раннего средневековья (в православной Руси то же происходило мягче — но до реформ Петра!) И Западное средневековье было самым диким в культурной Евразии — до крестовых походов и бурно выросшего на их закваске Возрождения.

Чтобы понять психофизиологическую подоплеку евразийских Возрождений, заметим, что, в отличие от прямолинейности свободного движения в пространстве, движение во времени нормально циклично: путь из настоящего в принципиальное будущее неизменно идет через временное возвращение к прошлому. Патриархат-1 оставил нам смутные, но многочисленные и совпадающие в тенденции свидетельства о временном грозном возрождении силы и влияния женщин, связанном в частности в Греции с дионисическим движением. Аналогично, подоплекой движений Возрождения духа древних культур в средневековой Евразии было временное возвращение плюс-силы «восходящему» мужскому типу.

На картинах и рисунках европейского Возрождения мы видим тела невероятно мо-

гучего, на современный взгляд, сложения, резко контрастирующие не только с позднейшими, но и более ранними средневековыми изображениями. Ярчайший интеллектуализм, индивидуализм, подчеркнутая эротика и перипетии социальной жизни городов-государств Италии той эпохи воспроизводят ситуацию классической древности удивительно детально. Наконец, не упустим и то, что среди всего, что возродила та «светлая» эпоха было и *рабство*, похеренное было «мрачным» средневековьем.

Повсеместно в культурной Евразии Древность, а потом Возрождение, были эпохами мощного интеллектуального творчества. И повсеместно конец Древности, а поздней конец Возрождения, значили конец интеллектуальности как высоко организованного и престижного социального института. Выживали кое-где отдельные настоящие ученые, и даже складывались изредка и ненадолго их объединения, но большая наука неизменно погибала. Уникальным *чудом* явилось ее выживание и дальнейший бурный рост на Западе с концом его Возрождения.

Этому не могли быть причиной особые свойства европейского ума. Все, что изучено в наследии азиатских Возрождений, ясно свидетельствует, что качество китайских, индийских и исламских мозгов по меньшей мере не уступало европейскому. Решающим фактором в том европейском чуде была, на взгляд автора, переакцентировка Западного христианства в его борьбе и конструктивном преодолении Возрождения с рокового «Блаженны нищие духом» — на «Бог есть любовь» [9]. Последний момент никогда не заявлял себя так выпукло ни в культурнейших конфуцианстве, даосизме, буддизме и индуизме, оформленных на переходе от архаики к классике патриархата-1, ни в слишком посясторонне сильном исламе, созданном уверенным в себе духом патриархата-2.

В завершившемся *календарно* (но вовсе не в духе) 20 веке упадок христианского мироощущения вновь выдвинул на передний план истории «нищих духом»: $-M$, $+P$ и $-F$, $-L$. Их религиями стали коммунизм, фашизм и сатанизм (большей частью наивно бессознательный, широкое распространение коего отметил еще Г. К. Честертон [10]), непринужденно переходящий в обычный крайний буржуазный прагматизм, — и, разумеется, в соответствии с особенностями современной нищеты духа, то были религии насилия, ненависти (особенно к умникам и нравственным чистюлям, пострадавшим в частности под большевиками несравнимо больше, чем пресловутые буржуи и дворяне, вместе взятые), уголовной морали и проституированной нравственности. «Я — ничто, мой народ — все» — гласит афоризм нацистов, запечатлевший единство проституированной нравственности и уголовной морали в кристально ясной форме. «Я — последняя буква в алфавите» — учили нас в стране Октября.

В более благополучных по внешности странах (глубина слишком часто парадоксально противоречит внешнему) уцелевших демократии и христианства идет однако ж все та же естественная для нашего времени переориентация с минус-силы и плюс-любви — на плюс-силу и минус-любовь (или просто «похоть», как называли ее наши нелюбимые предки). Автор не думает, что христианство сумеет пережить нашу эпоху. «Блаженны нищие духом» — мстит за себя, и стоит на дороге у будущего. На богачей духа — единственная надежда нашего времени.

Автор не хочет сказать, что мы «переросли» христианство, как детское платье. В этой удивительнейшей из мировых религий варварское срослось с таким духовно проникновенным, чему нет параллели даже в умудреннейших религиях Индии и Китая. Но и плохим ученикам нельзя без конца оставаться все в том же классе, иначе они вообще

разучатся научаться. Положительным уроком нашего времени (ибо ни одно время, каким бы разрушительным оно ни было, не бесплодно на положительные уроки) является все возрастающая очевидность для человека нового поиска-возврата к Богу.

Отметим внутреннюю самонедостаточность и глубокое противоречие патриархата-2, где плюс-любовь присуща $+F$. Отсюда «об уровне культуры общества можно судить по степени уважения в нем женщины» — суждение, столь же справедливое по отношению к современности, сколь бессмысленное для Древности: в течение античности статус и общественное влияние женщин почти непрерывно снижаются. Отсюда же расцветающий с начала классического средневековья культ Прекрасной Дамы, дополнительно акцентированный христианским превознесением любви (в этот период культ Девы Марии едва не полностью затмевает культ Христа), но известный в той или иной степени целой культурной Евразии и особенно молодым народам, не стесненным авторитетом древности.

Патриархат-1, напротив, этически вполне самодостаточен: плюс-сила и плюс-любовь равно являются там достоянием мужественности. Не в этом ли причина, почему для благороднейшего Платона (диалог «Пир») высокая половая любовь есть — вне всяких дискуссий — любовь однополая? Иная любовь для Платона вульгарна — ей покровительствует «площадная Афродита»!

Итак, уже в пределах «одного патриархата» нам открываются два глубочайше различных мира. Между ними пропасть во всем: в понимании любви и этического долга, в понимании Бога, а, значит, и жизни и смерти, искусства и науки. Вспомним, что утверждение тезиса о решающей в познании роли опыта — презиравшегося определяющим большинством ученых древних — решило на закате Возрождения вопрос, быть или не быть новой науке.

Начав с нуля научных знаний и опираясь почти исключительно на собственный разум и непосредственное наблюдение, древние создали все основные известные приемы научного мышления и едва ли не все главные идеи современной науки. Этой базой патриархат-2 овладевал с величайшим трудом и с неизменной оглядкой на вознесенный им опыт [11]. Как ни странно, современность сделала принципом научного познания пришибеевское «Не рассуждать!», или, как выразился Ньютон, «Не измышлять гипотез» — до тех пор, пока на то не наталкивает высшее начальство: опыт. В этой скромности своих теоретических притязаний современность, разумеется, довольно права, но она слишком много на себя берет и проявляет черную неблагодарность к вскормившей ее Древности, когда самодовольно заверяет, что сама-де природа научного знания требует такого самоусекновения. Спекулятивный эвристический принцип возродился, правда, в 19 веке в математике — и чрезвычайно мощно! — с построением неевклидовых геометрий, но так и не вырвался доселе за ее пределы. Будущее, будем надеяться, уже не далекое, должно вернуть нам могучую свободу мысли и вчувствования в тайны мира, которую мудрые греки считали само собой разумеющейся для всякого уважающего себя ума. Этой цели служит в частности «квазиточный» метод автора, представленный им в его книге «Введение в унологию, или единое знание», демонстрирующий голографическое единство естественно-научного, точного, гуманитарного и даже религиозного аспектов знания.

Повернем еще раз на 90 градусов против хода часов матрицу «мячиков» (3). Бли-

жайшая фаза нашего будущего — матриархат-1:

$$\begin{pmatrix} -F, +L & +F, +P \\ +M, -L & -M, -P \end{pmatrix}, \quad (6)$$

а поздней матриархат-2:

$$\begin{pmatrix} -F, +P & +F, -P \\ +M, +L & -M, -L \end{pmatrix}. \quad (7)$$

Переход в первую из этих фаз будет связан со столь глубокими переменами в мироощущении и культуре, подобным которым не было на памяти культурного человечества. Огромное значение для нашей культуры имеет то, что практически все ее развитые формы сложились при «патриархате», а большинство из этих последних берет начало в патриархате-1. Правда, как показал в своем эпохальном труде [12] Йоганн Баховен, открывший матриархат не в полевых антропологических исследованиях, но анализируя древние предания и мифы, именно матриархат заложил *фундаментальные* для дальнейшего развития общества при патриархате предпосылки, влияние коих сказывается доныне, в особенности в том, что касается общественных иерархий, нравственности и религиозности.

Огромное уважение, даже благоговение, которое вызывала к себе женщина эпохи матриархата, свидетельствует, надо думать, что плюс-сила в ее руках существенно более на своем месте, чем в руках нашего беспокойного брата. Важнейшие перемены предстоящей поры должны быть прежде всего внутренними, а не внешними человеку. В ней следует ожидать дальнейших великих шагов к очеловечиванию человека, в проникновении его идеалами красоты и добра. При матриархате-1 должно развиться осознание иерархически сложной стороны бытия, которое освободит человечество от тысячелетиями укорененных предрассудков вроде того, что сущность обязана быть во *всех* случаях *проще* явлений, или что реальность имеет смысл представлять любым монистическим образом, словно вытесанную из монолита (тогда как она есть драматическое сложно-составное, чье единство не дано статично, но постоянно задается по-новому в сложно-противоречивых и переплетенных процессах бытия), или что человек обречен добиваться свободы исключительно на путях «дисциплинированного индивидуализма». Человечество придет к систематическому постижению вещей, что открывались доселе лишь горстке великих поэтов да мистиков. Во всеобщую культуру проникнет постепенно то, «что и не снилось школьным мудрецам». В частности, бытие Бога (*и богов*, ибо та эпоха, более, чем когда-либо, органически соединив в себе инстинкты единства и плюральности, вряд ли смутится формальным противоречием монотеизма и политеизма) раз и навсегда станет столь же очевидным людям, как стало очевидно с древних времен существование иррациональных чисел (крайне смутившее поначалу математиков, и далеко не сразу ими всеми принятое) [13].

Что до устройства общества, в эту эпоху неизбежно победит — не пугайся, читатель! — *подлинный социализм*, ставящий во главу угла интересы *целого общества*, — а не *чиновного государства*, как тоталитаризмы 20 века, нагло прикрывавшиеся выхолощенным ими *именем* социализма. Смешивать государственный тоталитаризм с социализмом так же нелепо, как интерес взбесившегося цепного пса, захватившего власть в доме, с интересами обитающего в том доме семейства [14].

Возникнут условия для решения таких проблем, какие лучше и не пытаться решать нашим современникам, как, например, проблемы создания мирового правительства. И произойдет высокая эстетизация жизни.

Как не однажды в прошлом, но более, чем когда-либо раньше, «женственный» Восток станет учителем «мужественного» Запада.

Многое еще хотелось бы сообщить любознательному читателю, но остановимся здесь, дабы не отягощать излишне совесть автора ссылками на книгу, которой читатель не видел.

Комментарии

1. В конце концов, что такое «чудо»? Классическая физика убедила было нас, что любые события предопределены своими причинами целиком однозначно, а потому «чудо», как воображаемая щель в абсолютно жесткой причинной связи, абсолютно же невозможно. Ныне представление об абсолютно жесткой причинности отвергнуто для физики квантовой механикой (не говоря о последующих открытиях синергетики). Тем более относится это к связям культурно-исторических явлений, в сравнение с коими даже мир квантовой механики выглядит еще отменно упорядоченным. Таким образом, мы, подобно нашим предкам, жившим в дремучие времена колдунов, оказались, пусть и на ином уровне, в мире, не огражденном стеной абсолютно невозможного. Снова, правда, с тонкими оговорками, невнятными простолюдиной, остающемуся на уровне классической физики, мы очутились — хотя не продумали всех далеко идущих выводов из этого — в мире, где различимо только более и менее вероятное, или более или менее *обычное*. Заметим, что именно как *чрезвычайную необычность* видели чудо наши предки. Отсюда выражение «чуда морские» в применение к вполне реальным редким морским животным.
2. В двадцатых числах апреля 69 года «Комсомолка» публикует статью женщины-журналиста «Среднеархат, что дальше?». Между прочим, уверена была милая девушка, что тот, кто ответит на поставленный ею вопрос, получит никак не меньше, чем Нобелевскую премию. Нам бы ваш оптимизм, госпожа учительница!
3. Как ни удивительно, хохма насчет женских болезней у мужчин не высосана целиком из пальца: медики констатируют в последнее время распространение рака груди — у мальчиков!
4. Автор строит *две* матрицы «мячиков», хотя будет пользоваться только второй из них, для того чтобы читатель с математическим соображением не удивился, почему плюсы и минусы, которые должны нормальной логикой данного тригонометрического процесса группироваться в накрест лежащих квадрантах, оказываются у нас во второй матрице «не на своих местах». Так вот, нормальной той логике отвечает именно первая из указанных матриц, но использовать в последующем анализе автору кажется удобней вторую — вполне, как показано, равномоцную первой.

5. Автор не упустил, что эта цитата из древнего поэта нахально усечена нашими легкомысленными современниками, так что ее смысл изменился наоборот: «В здоровом теле здоровый дух — *редкая удача*»!
6. В «Ли-цзи», одной из книг конфуцианского пятикнижия, в главе «Поведение ученого» читаем: «Если говорить о высочайших, то ученый не подданный даже для Сына Неба; если сказать о более низких, не работает он и на правителей. Внимательный и спокойный, превыше всего ставит он широту души . . . Даже получив в удел царские земли, он не ставит это ни в грош. Не подданный он и не служилый . . . » Характерно, что в позднейший период, при патриархате-2, эта глава не признавалась подлинной многими конфуцианцами «за гордыню и заносчивость перед государем».
7. Последнее, впрочем, справедливо только относительно очевидной поверхности социального бытия. На глубине его могут происходить процессы самые парадоксально противоположные. Так голос Пушкина, едва слышный при жизни *в широких кругах* русского общества, заглушаемый бодрими «гениями» (для их современников) как Булгарин и Кукольник, отозвался в веках громом.
8. Откуда взялись у того рокового времени *плодотворнейшие* в самом деле потенции, автор объясняет в главе 13 своей книги «Введение в унологию, или единое знание», Ярославль, 2001 г., усеченным и существенно упрощенным по необходимости фрагментом которой является эта статья. В пределах означенного упрощения объяснение такое, увы, невозможно.
9. Это был в действительности слишком сложный и парадоксально происходивший процесс, чтобы можно было описать его в нескольких словах. «Бог есть любовь» — яснее всего звучит в христианском гуманизме так называемого «предвозрождения», в частности в «Троице» Рублева. «Блаженны нищие . . . » — яро заявляло себя не однажды с конца Возрождения по наше время, и не умрет полностью, пока живо христианство. Тем не менее, именно Западное Возрождение (может быть, потому, что слишком велик был контраст его оптимистического духа с предшествующим периодом, и страшно показалось возвращение к целостности последнего) представляется решающим к тому стимулом.
10. «Почему практичные люди убеждены, что зло всегда побеждает? . . . Потому что они, как и все люди, руководствуются своей верой. . . . Они считают, что миром движет страх и потому сердце мира — зло. Они верят, что смерть сильнее жизни и потому мертвое сильнее живого.» (Г. К. Честертон, «Вечный человек», М.: 1991 г., стр. 185.) Дух времени объясняет, почему даже умные, но чисто практического склада, люди держатся столь абсурдно враждебной жизни веры, не в силах понять, что хотя «зло — князь мира, но власть его незаконна» (там же, стр. 248).
11. Там, где доселе бессильны наши экспериментальные методы, современная наука остается далеко в хвосте античных спекуляций. Так теоретическая физика все еще только приближается (в течение нескольких десятилетий!) к идее дискретного, или атомарного, строения пространства и времени, блистательно разработанной до

самых парадоксальных следствий античными атомистами, а затем мутакаллимами исламского Возрождения. Глубинную связь этой идеи и теории относительности автор показывает в Приложении к главе 1 той же своей книги (см. [8]).

12. Das Mutterrecht, Stuttgart, 1861.
13. Что женщина по самой своей природе несравнимо более мужчины одарена религиозно, ярко свидетельствует, например, факт, что когда мужчина вынужден был узурпировать жреческую функцию женщины, бывшую орудием колоссального общественного влияния, он настолько болезненно ощущал святотатство этого шага, что предпринял все меры к маскировке своей неподобающей мужественности. Широко, например, была распространена кастрация жрецов, и повсеместно удержался доселе обычай их маскировочного — *женского!* — ритуального одевания.
14. За обоснованием этого и ряда иных положений данной статьи, зависящих в воздухе в силу их отрыва от целостной концепции, автор вынужден отсылать читателя все к той же своей книге [8].